

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ «ГРУППЫ ДВАДЦАТИ» (2008–2021 ГГ.)¹

М.В. Ларионова

Ларионова Марина Владимировна – д.полит.н., директор Центра исследований международных институтов (ЦИМИ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Российская Федерация, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; larionova-mv@ranepa.ru

Аннотация

«Группа двадцати» объединила лидеров ключевых стран с развитой экономикой и формирующимся рынком для борьбы с финансово-экономическим кризисом 2007–2008 гг., реформирования международной архитектуры, разработки нового глобального консенсуса, обеспечения экономического восстановления и сильного, устойчивого и сбалансированного роста. Созданная как антикризисный механизм и определенная членами как главный форум международного экономического сотрудничества, «двадцатка» превратилась в хаб глобального управления. Начиная с первого саммита с «Группой двадцати» были связаны большие ожидания, и она стала объектом исследований и оценок аналитиков, средств массовой информации и широкой общественности. Обсуждения, решения и обязательства каждого саммита тщательно изучаются. Критики «двадцатки» утверждают, что она потеряла актуальность и не смогла эффективно реагировать на деградацию многосторонности, пандемию COVID-19 и вызванный ею кризис.

В данной статье применяется логика исторического институционализма для исследования характера динамики эволюции «двадцатки»: спроса на лидерство с ее стороны; расширения повестки дня и институционализации; легитимизации, подотчетности и взаимодействия с партнерами. Анализ позволяет сделать вывод, что «Группа двадцати» изменила тенденции, создав более инклюзивное глобальное управление, которое интегрирует обширные и разнообразные сети сотрудничества «Группы двадцати» с сетями других международных институтов и групп взаимодействия, участвующих в процессах деятельности «двадцатки». Сетевое управление, наряду с ротацией председательства, механизмом «Тройки» и механизмами взаимодействия в формате «аутрич», усиливает влияние «двадцатки» и ее восприятие как легитимного института. Выгоды от первых решений, сложившаяся и расширяющаяся повестка дня, модели взаимодействия, когнитивные сценарии, общие идеи и интернализированные нормы стали мощными эндогенными источниками стабильности, усиливаемыми петлями позитивной обратной связи. Несмотря на напряженность в отношениях между членами, ценность и глобальные общественные блага, генерируемые «двадцаткой», реальная и ожидаемая отдача от ее деятельности стали существенными стимулами для продолжения взаимодействия в этом формате, поддерживали ее постоянное развитие и

¹ Статья поступила в редакцию 27.02.2022

усиливали зависимость от избранного пути. Обратной стороной устойчивости «Группы двадцати» стала ее неспособность выступить с инновационными инициативами на фоне распространения COVID-19 и обеспечить мощное лидерство, необходимое миру для преодоления пандемии и связанных с ней экономического и социального кризисов. Несмотря на это, «Группа двадцати» остается ключевым хабом современного глобального экономического управления. Однако инертность («эффект блокировки») может повлечь за собой риск потери «двадцаткой» актуальности в сравнении с другими институтами.

Ключевые слова: «Группа двадцати», институциональная динамика, глобальное управление, финансовый кризис, пандемия COVID-19

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

Для цитирования: Ларионова М.В. Краткая история институциональной динамики «Группы двадцати» (2008–2021 гг.) // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 2. С. (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2022-02-11.

Введение

Лидеры «Группы двадцати» провели 16 саммитов и согласовали 2834 обязательства за 13 лет с момента своей первой встречи в Вашингтоне в ноябре 2008 года, на которой главы ключевых развитых стран и государств с формирующимся рынком обсуждали борьбу с последствиями финансово-экономического кризиса 2007-2008 гг., реформы международной финансовой архитектуры [G20, 2008], разработку нового глобального консенсуса [G20, 2009a], обеспечение восстановления и сильного, устойчивого и сбалансированного роста экономики [G20, 2009b]. Учреждение «двадцатки» на уровне лидеров стало ответом на изменения в глобальном влиянии стран, усиление их взаимозависимости, рост уязвимостей, неопределенность в экономике и отсутствие авторитетных институтов, способных предотвращать риски и управлять ими. Созданная в этот критический момент как антикризисный механизм [Cooper, 2010] и признанная членами главным форумом международного экономического сотрудничества, «Группа двадцати» превратилась в хаб глобального управления [Kirtan 2013, p. 46–47] и координационный центр сетевого управления [Cooper, 2020]. Несмотря на неспособность решить целый ряд проблем, этот институт XXI века играет уникальную роль в глобальном управлении [Greco et al., 2021], понимаемом в данной статье как «совокупность законов, норм, политик и институтов, которые определяют, составляют и опосредуют отношения между гражданами, обществом, рынками и государством на международной арене» [Weiss, Thakur 2010. P. 6].

С момента первой встречи лидеров «Группа двадцати» породила большие ожидания и стала объектом исследований [Bradford, Wonhyuk, 2011], оценок [Fues, Messner, 2016] и критики [Dadush, Suominen, 2011. P. 14] со стороны аналитиков, СМИ и широкой общественности. Обсуждения, решения и обязательства каждого саммита тщательно изучались. Десятилетие «двадцатки» и радикальные изменения в мировой политике² обусловили комплексный анализ ее роли и задач в глобальном управлении [Berger 2020]. Обширная литература о «Группе двадцати», сама по себе свидетельствующая о ее значимой роли,³ делает задачу обеспечения новизны исследований довольно сложной. В данной статье представлен обзор динамики эволюции «двадцатки»: спроса на ее лидерство;

² Подъем популистских и националистических движений, выход США из многосторонних соглашений, Брексит, усиление напряженности между США и Китаем, технологические изменения и конкуренция за технологическое превосходство, отсутствие прогресса в реформировании институтов глобального управления.

³ См., например, [Slaughter 2019. P. 13].

расширения повестки дня и институционализации; легитимизации, подотчетности и взаимодействия с партнерами. Применяя логику исторического институционализма, автор исследует ключевые решения, неудачи и достижения каждого из саммитов с акцентом на функции, которые выполняет институт, ценность, которую он представляет для своих членов, выгоды (глобальные общественные блага), которые являются результатом его деятельности, и зависимость от избранного пути, которую он формирует [Hall, Taylor 1996. P. 20]. В заключении выделены основные факторы, обеспечивающие устойчивость, актуальность, лидерство и потенциал управления «Группы двадцати».

Инструментарий исторических институционалистов для анализа институциональной динамики

Исторический институционализм не является ни теорией, ни конкретным методом, а скорее подходом к изучению международных институтов, предоставляющим набор аналитических концепций для понимания динамики их развития: зависимости от избранного пути, последовательности, постепенных изменений, критических моментов [Steinmo, 2008]. Наряду с институционализмом рационального выбора и социологическим институционализмом, исторический институционализм развивался в 1980-х и 1990-х гг. как критическая реакция на теории поведенческого и структурного функционализма. В противовес их акценту на политических результатах как продуктах совокупного общественного поведения или производных от взаимодействия интересов акторов, новый институционализм рассматривал институты как промежуточные переменные факторы между предпочтениями акторов и политическими результатами и стремился к исследованию роли институтов в определении этих результатов, интересов и поведения акторов [Rosamond, 2000. P. 114].

Рассматривая институты как источники правил, структурирующих поведение, три институциональных подхода различаются в части определения институтов и понимания природы акторов. Школа рационального выбора определяет институты как формальные организации и утверждает, что индивиды сотрудничают и следуют правилам, потому что они рассчитывают издержки и выгоды, связанные с институциональными механизмами, и хотят максимизировать полезность. Социологический институционализм рассматривает индивидов как социальных существ, которые следуют «логике целесообразности» и ценят институты как источники социальных норм, регулирующих общественную жизнь и социальные взаимодействия. В рамках исторического институционализма акторы — это и соблюдающие нормы последователи правил, и рациональные акторы [Steinmo, 2008, p. 163], а институты — это «формальные или неформальные процедуры, нормы и соглашения, укорененные в организационную структуру государства или политической экономии» [Hall, Taylor. P. 6]. Принимая предпосылку институционализма рационального выбора о том, что государства создают институты, потому что они видят выгоды от функций, выполняемых этими институтами, и уважая тезис социологического институционализма о том, что институты влияют на поведение и предпочтения акторов, предлагая когнитивные сценарии, модели и нормы, исторический институционализм подчеркивает первенство государств-членов в осуществлении институционального выбора и способность институтов формировать предпочтения членов, структурировать политическую ситуацию и влиять на политические результаты.

Важно отметить, что исторический институционализм уделяет особое внимание временному (темпоральному) характеру институциональной динамики и ее зависимости от предшествующих процессов [Nexon, 2012]. Согласно этому подходу в момент создания института (t) акторы не знают о его будущей динамике и не могут предсказать ее долгосрочные последствия для своих действий в момент ($t+n$). Таким образом, институциональные архитекторы и институциональные субъекты действуют в среде, определяемой институциональным выбором, сделанным в прошлом, и предшествующей

институциональной динамикой, которая формирует поведение и определенным образом ограничивает акторов.

По мере возникновения невозвратных издержек и увеличения отдачи от институтов политика в их рамках начинает характеризоваться феноменами зависимости от избранного пути («эффект колеи») и инертности («эффект блокировки»). Более ранние политические решения, которые принесли значительную отдачу, создают зависимость от избранного пути — стимулы придерживаться соответствующих институциональных и политических подходов, постепенно адаптируя их к политическим изменениям. Инертность означает, что, оценивая выгоды, предоставляемые институтами, акторы поддерживают их деятельность, даже если ее результаты больше не являются удовлетворительными, либо предпочтения членов института расходятся, либо отсутствуют рациональные причины дальнейшего существования института. Как результат, институты остаются в равновесии в течение длительных периодов времени, несмотря на внутренние и внешние политические трансформации. Как подчеркивают Томас Риксен и Лора Энн Виола, зависимость от избранного пути не означает неизменности, а скорее описывает процесс, который становится самоусиливающимся, поскольку он протекает на фоне возрастающей отдачи. В рамках постоянной положительной обратной связи институт производит эффекты, которые становятся причинами последующих эффектов, которые, в свою очередь, также становятся причинами для будущих эффектов [Rixen, Viola, 2016].

Исторический институционализм также отличается от других школ своим пониманием механизмов институциональных изменений и роли идей (воспринимаемых как коллективные решения общих проблем) в формировании политических решений и результатов. С этой точки зрения институциональная трансформация является следствием изменений в идеях акторов [Hall, 1996]. Хотя исторический институционализм очень чувствителен к социальному и историческому контексту и признает важность экзогенных источников изменений, институциональная динамика в нем рассматривается как эндогенно управляемый эволюционный процесс, а не как экзогенные, вызванные шоком скачки от одного равновесия к другому. Длительные периоды стабильности и постепенных изменений могут быть нарушены критическими моментами — экзогенными событиями, которые могут изменить динамику и направить институты на другой путь развития. Однако влияние экзогенных источников изменений может сдерживаться эндогенными источниками самоусиления, включая, помимо прочего, предполагаемые и реальные выгоды существующей системы, неуверенность в преимуществах альтернативных институциональных механизмов, укорененность идей и нарративов в повестке дня, интернализацию норм поведения, сложившиеся модели взаимодействия, процедуры исполнения обязательств, институциональную культуру и наличие обширных сетей заинтересованных сторон, участвующих в деятельности института.

Как и любой аналитический подход, исторический институционализм имеет свои недостатки. Его интерес к историческому анализу и непредсказуемым процессам изменений подразумевает методологическое предпочтение в пользу качественных исследований, основанных на эмпирическом описании важных институциональных кейсов. В целом чувствительный к временным границам и роли различных переменных в институциональной динамике, исторический институционализм является полезным аналитическим инструментом для понимания институционального развития [Steinmo 2008. P. 175].

Первоначально сфокусированная на национальных политических институтах, процессах и результатах, в конце 1990-х гг. институционалистская школа сконцентрировалась на исследованиях интеграции и управления ЕС [Pollack, 2004]. Позднее исторический институционализм стал использоваться для исследования стабильности и изменений в международных отношениях [Rixen, Viola, 2016] и деятельности неформальных клубов, таких как «Группа двадцати» [Viola, 2019]. Однако до

сих пор он не использовался для изучения динамики «двадцатки» или любого другого института на протяжении всего периода его существования.

В данной статье подход исторического институционализма используется для изучения институционального развития «двадцатки» с 2008 по 2021 гг., выявления переменных, влияющих на его темп и направление, и установления причин устойчивости «двадцатки» к глубоким изменениям даже в условиях радикальных внешних геополитических и экономических трансформаций.

Исходя из акцента исторического институционализма на последовательности и темпоральной природе процессов изменений, анализ структурирован по периодам развития «двадцатки», характеризующимся собственной институциональной динамикой: пять формирующих саммитов 2008-2010 гг., определяющих зависимость «двадцатки» от избранного пути; период позитивной обратной связи 2011-2013 гг., консолидировавший и усиливший внутренние источники ее стабильности; период равновесия и постепенных изменений, продолжающийся несмотря на напряженность между членами института, в 2014-2016 гг.; следование избранному пути в отсутствие коллективной динамики клуба в 2017-2019 гг. и закрепление выбора пути на критическом этапе тройного кризиса в 2020-2021 гг.

Пять саммитов периода становления. От Вашингтона до Сеула (2008–2010 гг.)

Вашингтонский саммит в ноябре 2008 г. изменил динамику глобального управления, положив начало деятельности более представительного и легитимного (чем «Группа семи») механизма высокого уровня для управления мировой экономикой. Были определены общие принципы реформы финансовых рынков, принят план их реализации, обязательства по отказу от протекционизма и более тесному макроэкономическому сотрудничеству для избежания негативных побочных эффектов и восстановления роста. Подвергавшаяся критике за нелегитимность [Aslund, 2009], «двадцатка» тем не менее представляла более двух третей населения мира и 90% мировой экономики. Лидеры «двадцатки» запустили процессы взаимодействия с партнёрами и институционального строительства, создав четыре рабочие группы (РГ)⁴ с участием международных финансовых институтов (МФИ) для разработки рекомендаций по реформе финансового регулирования, и «поручили министрам финансов... проконсультироваться с официальными лицами других стран, а затем отчитаться перед ними» [Bush, 2008].

Первый саммит «Группы двадцати» положил конец десятилетним дебатам о вариантах легитимации экономического управления под руководством «семерки» [Bradford, Linn, Martin, 2008], создал прецедент приглашения к участию в работе стран, не являющихся членами института,⁵ и глав международных институтов (МИ),⁶ установил модель взаимодействия с МИ, придал стимул реформе международной архитектуры за счет призыва лидеров к срочному расширению Форума финансовой стабильности. Он также положил конец дискуссии о других вариантах экономического управления, таких как «создание Глобального экономического координационного совета на уровне, эквивалентном ГА ООН и СБ, с мандатом на оценку событий и обеспечение лидерства в решении экономических вопросов, которые требуют глобальных действий с учетом социальных и экологических факторов», предложенное Комиссией Стиглица [UN, 2009. P. 91], против которого выступили США и Великобритания, которые хотели, чтобы именно неформализованная «двадцатка», в которой они имели гораздо большее влияние, взяла на себя ответственность за глобальные меры реагирования на кризис [Wade, 2012]. Выбор в пользу неформальности обеспечил членам «двадцатки» гибкий механизм для обсуждения

⁴ РГ 1 «Укрепление действенного регулирования и усиление прозрачности»; РГ 2 «Укрепление международного сотрудничества и продвижение целостности на финансовых рынках»; РГ 3 «Реформирование МВФ» и РГ 4 «Всемирный банк и другие многосторонние банки развития».

⁵ Нидерландов и Испании.

⁶ МВФ, Всемирного банка и СФС.

и принятия решений, который снижает транзакционные издержки без установления ответственности за реализацию мер и действует на принципах консенсуса, добровольности, относительно низкой бюрократии и сотрудничества с другими международными институтами, консультаций со странами-партнерами и группами взаимодействия.

Лондонский саммит, состоявшийся в апреле 2009 г., закрепил динамику сотрудничества. Его исторические достижения включают обязательство утроить ресурсы, доступные МВФ, до 750 млрд долл. США, включая 250 млрд долл. в форме нового распределения специальных прав заимствования (СПЗ); поддержку независимого надзора со стороны МВФ за политикой членов «Группы двадцати» и соглашение о создании нового Совета по финансовой стабильности (СФС) с мандатом на координацию и мониторинг прогресса в укреплении финансового регулирования. Лидеры продлили обязательство воздерживаться от создания новых барьеров для инвестиций и торговли до конца 2010 г., дополнили его обязательством корректировать и незамедлительно извещать ВТО о любых подобных мерах, а также призвали ВТО отслеживать и публиковать доклады об исполнении членами «двадцатки» указанных обязательств. Решения лондонского саммита были подготовлены челночной дипломатией премьер-министра Гордона Брауна, обсуждавшего с мировыми лидерами суть «нового глобального соглашения», интенсивными консультациями между министрами финансов и рабочими группами, оценкой глобальной экономической политики [IMF, 2009] и реакции «Группы двадцати» на банковский кризис [ILS, 2009] со стороны МВФ, предложениями МОТ по смягчению воздействия кризиса на занятость [Ibid.]. Доклад председательства о реализации Вашингтонского плана действий стал первым шагом к практике самоотчетности. Участие МИ расширилось за счет присутствия глав ООН, ВТО, ФФС и председателей НЕПАД и АСЕАН. Таким образом, саммит запустил процесс подотчетности и самоотчетности «двадцатки», способствовал укреплению взаимодействия с МИ, расширению представительства региональных акторов и накоплению знаний для обеспечения основанных на фактах обсуждений и принятия решений. Однако не было достигнуто нового глобального соглашения, которое ожидало председательство.

Оно было одобрено на саммите в Питтсбурге в сентябре 2009 года в формате Рамочного соглашения по обеспечению уверенного, устойчивого и сбалансированного экономического роста. «Двадцатка» обязалась обеспечить, чтобы коллективная фискальная, денежно-кредитная, торговая и структурная политика ее членов соответствовала траекториям устойчивого и сбалансированного роста. Результаты первых саммитов привели к трансформации «Группы двадцати» из специализированного антикризисного формата в главный форум международного экономического сотрудничества. Лидеры учредили СФС, создали Рабочую группу по Рамочному соглашению и запросили содействия МВФ в процессе взаимной оценки (МАР), тем самым продолжив процессы институционализации и развития глобального управления. ОЭСР присоединилась к работе клуба, предоставив политические рекомендации по реализации структурных реформ, став таким образом стратегическим советником «двадцатки» по экспоненциально растущему числу проблемных вопросов.

«Англо-американский кондоминиум» [Ünaу, 2014] укрепил свое влияние на развитие «двадцатки» в ходе подготовки и проведения июньского саммита 2010 года под председательством Канады. В Торонто лидеры обязались проводить ответственную налогово-бюджетную политику, усилить финансовый надзор, способствовать сбалансированности счетов текущих операций, осуществлять денежно-кредитную политику в соответствии с целями ценовой стабильности, поддерживать рыночные обменные курсы и реализовывать структурные реформы. Эти обязательства получили дальнейшее развитие в Сеульском плане действий и составили основу нарратива «Группы двадцати» на следующее десятилетие. В период канадского председательства состоялась первая встреча министров труда и занятости для координации политики по стимулированию создания рабочих мест и была создана РГ по развитию с мандатом на

разработку многолетнего плана действий. Еще одним нововведением стала встреча министров финансов с лидерами бизнеса, задуманная как «проверка идей на практике» на передовой мировой коммерции» [G20, 2010a]. Она послужила импульсом к формированию «Деловой двадцатки» и других групп взаимодействия в формате «аутрич», выполняющих тройную функцию: генерирование знаний для «двадцатки», обеспечение взаимодействия между ее формальным и неформальным направлениями и ее легитимация.

Период формирования «двадцатки», который определил ее формальные и неформальные процедуры, ее дискурс и соглашения, динамику расширения влияния и институционального развития, завершился в 2010 году саммитом в Сеуле. Лидеры подчеркнули свою готовность выполнять принятые ранее решения и нести за это ответственность, а также договорились расширить и уточнить МАР, включив в него критерии оценки. Корейское председательство ввело практику принятия обязательств членами «двадцатки». Важнейшие решения саммита включали обязательства по перераспределению долей квот в размере более чем 6% в пользу динамично растущих стран с формирующимся рынком и развивающихся стран, а также всеобъемлющему пересмотру формулы квот МВФ к январю 2013 года. Решение о перераспределении квот вступило в силу только три года спустя, в 2016 году, из-за сопротивления США, крупнейшего акционера Фонда. Изменение формулы расчета квот, по которому ежегодно принимались обязательства, на 40-м заседании МВФК в октябре 2019 г. было отложено до 16-го общего пересмотра квот, который должен быть проведен в 2020–2023 гг. Сеульский консенсус развития на благо общего роста и Многолетний план действий по развитию определили принципы и приоритетные направления повестки дня «Группы двадцати» в этой области на шесть лет – до принятия Плана действий «Группы двадцати» по осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года на саммите в Ханчжоу в сентябре 2016 г. Председательство институционализировало взаимодействие с деловыми кругами, пообещало усилить подотчетность и повысить легитимность «Группы двадцати» за счет систематических консультаций «с международными организациями, в особенности с ООН, с региональными организациями, гражданским обществом, профсоюзами и научным миром», и достигло консенсуса по принципам приглашения стран, не являющихся членами «двадцатки», чтобы сделать форум более представительным.⁷

Трансформация «двадцатки» в форум на уровне лидеров стала ответом на экзогенный шок мирового финансового кризиса. Сохранив клубный характер «семерки» и состав членов «Группы двадцати» на уровне министров финансов, новый формат все же стал институциональной инновацией. Объединив лидеров «семерки», БРИКС и других крупных стран с формирующейся рыночной экономикой для координации позиций и выработки решений на основе консенсуса, «Группа двадцати» получила уникальное влияние, обширную и расширяющуюся повестку дня, беспрецедентную динамику развития взаимодействия, не имеющий себе равного мультипликативный эффект и мандат на реформирование мирового экономического порядка. Как показала история, «Группа двадцати» не реализовала данную реформу из-за сопротивления США, поддержанного другими членами «семерки», которые поставили финансовое регулирование в приоритет над реформой международных институтов и валютно-финансовой системы [Larionova, Sheleпов, 2019]. Невыполнение данного обязательства стало основным фактором, сдерживающим будущую эффективность «двадцатки» в сфере глобального управления. Тем не менее, формирующие саммиты, состоявшиеся во время и сразу после критического момента мирового финансового кризиса, определили траекторию динамики «двадцатки». Первые решения «двадцатки» принесли ощутимые выгоды ее членам и международному сообществу и породили надежды на будущие позитивные результаты. Расширяющаяся повестка дня и новые модели взаимодействия отражали общие идеи и

⁷ Лидеры договорились пригласить не более пяти стран, не являющихся членами организации, из которых по крайней мере представляют Африку. См. [G20, 2010b. Para. 73–4].

интернализированные нормы поведения участников. Расширение участия международных институтов и социальных партнеров в деятельности «Группы двадцати» усилило ее восприятие как легитимного и эффективного института. Эти факторы стали сильными эндогенными источниками будущего самоусиления «двадцатки».

Хаб глобального управления. От Канн до Санкт-Петербурга (2011–2013 гг.)

Председательство Франции в 2011 году проходило в условиях серьезных рисков снижения экономической активности, медленного восстановления балансов в ключевых странах с развитой экономикой, опасений по поводу устойчивости государственного долга в еврозоне, замедления роста в странах с формирующейся рыночной экономикой, падения спроса и роста безработицы [IMF-G20, 2011]. Обсуждение и принятие решений в ходе саммита опиралось в том числе и на 22 доклада, подготовленные 12 международными институтами, и совместное заявление «Деловой двадцатки» и «Профсоюзной двадцатки» [B20-L20, 2011], призывавшее «Группу двадцати» сделать занятость одним из своих приоритетов. Каннская декларация, коммюнике и План действий содержат внушительный набор обязательств, в том числе по возобновлению усилий для содействия созданию достойных рабочих мест. «Двадцатка» создала Целевую группу по занятости. На первой встрече министров сельского хозяйства был принят План действий по волатильности продовольственных цен и сельскому хозяйству. В докладе премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона, подготовленном по просьбе президента Франции Н. Саркози, были представлены идеи о роли «двадцатки» в глобальном управлении [РМО, 2011]. Доклад подтвердил ценность «Группы двадцати» как неформального объединения на уровне лидеров государств. Лидеры формализовали механизм «Тройки», состоящей из предыдущего, текущего и будущего председателей, в качестве координационного формата; поручили шерпам разработать предложения по взаимодействию с гражданским обществом, определили порядок ротации председательств на следующие четыре года и согласились, что после 2015 г. председатели будут выбираться из чередующихся ежегодно региональных групп, начиная с азиатской. На фоне сохраняющихся проблем на пути к восстановлению члены «двадцатки» инвестировали в институциональное строительство, расширили повестку дня и привлекли новые заинтересованные стороны к работе форума, однако не привнесли никаких трансформационных изменений, действуя в соответствии со сценариями и институциональными решениями, сложившимися в период становления «двадцатки».

Саммиты в Лос-Кабосе и Санкт-Петербурге сохранили тенденцию зависимости от избранного пути за счет дальнейшего институционального расширения и углубления взаимодействия с международными институтами. В 2012 году рост оставался слабым из-за нестабильных финансовых условий в ЕС, значительных бюджетных дисбалансов в США и Японии и замедления экономической активности в ключевых странах с формирующимся рынком. Мексиканское председательство уделило приоритетное внимание мерам поддержки экономической стабилизации, восстановления и структурных реформ для обеспечения роста и занятости. «Двадцатка» формализовала процесс самоотчетности, согласовав Лос-Кабосскую систему оценки подотчетности, чтобы обеспечить индивидуальную для всех стран; конкретную; универсальную; справедливую; открытую; прозрачную и основанную на подходе «соблюдай или объясни» оценку. Состоялись первые встречи министров торговли, иностранных дел и туризма. Динамика взаимодействия с МИ набирала обороты. Мексиканское председательство получило 50 докладов от МИ, 15 из которых были представлены для обсуждения на саммите. Председательство инициировало первые встречи молодежи и экспертных центров для обсуждения повестки дня саммита и предложения инициатив для «двадцатки». С 2012 года «Экспертная двадцатка» стала «банком идей» для «Группы двадцати», обеспечивая глубокий анализ и политические рекомендации.

Перспективы глобального роста в 2013 году оставались туманными и неоднократно пересматривались в негативную сторону, а свертывание нетрадиционной денежно-кредитной политики в некоторых странах с развитой экономикой создавало побочные риски для стран с формирующимся рынком [IMF-G20, 2013]. В этом контексте одним из ключевых достижений саммита в Санкт-Петербурге стало обязательство «Группы двадцати» по сотрудничеству для обеспечения того, чтобы политика, проводимая для поддержки внутреннего роста, стимулировала глобальный рост и финансовую стабильность, а также по управлению потенциальными негативными эффектами такой политики для других стран. Лидеры договорились разработать страновые стратегии роста и планы в сфере занятости. Был одобрен План действий «Группы двадцати»/ОЭСР по борьбе с размыванием налогооблагаемой базы и перемещением прибыли, а также Рабочий план «Группы двадцати» по финансированию инвестиций. Впервые в истории лидеры подчеркнули, что благополучие отдельных людей должно быть в центре повестки экономического роста [G20, 2013], положив начало новой модели, в которой инклюзивность стала четвертой опорой роста [Ларионова и др., 2013]. Председательство расширило сотрудничество с МИ и партнерами в формате «аутрич». Первый в истории процесс «Гражданской двадцатки» завершился Форумом, встречей с Президентом России и представлением рекомендаций по инклюзивному росту. Новый формат взаимодействия стал инструментом использования потенциала гражданского общества и повышения прозрачности и легитимности «Группы двадцати».

В ходе цикла «позитивной петли обратной связи» в 2011–2013 гг. «Группа двадцати» консолидировала, укрепила и расширила внутренние источники своей стабильности. В ответ на постоянный спрос на повышение эффективности глобального экономического управления «двадцатка» продолжила свое институциональное развитие, совершенствуя процедуры внутреннего управления и обеспечения исполнения обязательств, включая новые вопросы в повестку дня, вырабатывая инновационные решения, развивая внутренние функциональные механизмы, продвигая свою институциональную культуру и взаимодействуя с расширяющейся сетью институциональных партнеров. Она включила проблемы неравенства и инклюзивности в глобальное экономическое управление. Вовлекая МО в процесс обсуждения, принятия решений, реализации и оценки исполнения решений, «Группа двадцати» усилила свое влияние и включенность в систему международных институтов. Этот период также ознаменовал собой начало трансформации «двадцатки» из хаба, то есть ядра системы акторов глобального управления, в координационный центр интересов и деятельности этих акторов. Это, однако, не означает, что она перестала быть хабом, своего рода сердцем, накачивающим кровь в эту систему.

Координационный центр сетевого управления. От Брисбена до Ханчжоу (2014–2016 гг.)

Между саммитами в Брисбене и Ханчжоу продолжился период стабильности и постепенных изменений в жизненном цикле «двадцатки», несмотря на растущую напряженность между ее членами и усиливающиеся риски неравенства. В условиях медленного и неравномерного восстановления на саммите в Брисбене была поставлена амбициозная цель увеличить ВВП «Группы двадцати» дополнительно как минимум на 2% к 2018 году, одобрена Глобальная инфраструктурная инициатива для повышения качества государственных и частных инвестиций в инфраструктуру, принято обязательство по сокращению разрыва в уровне участия мужчин и женщин в рабочей силе на 25% к 2025 году. Члены «двадцатки» представили свои комплексные стратегии роста и планы в сфере занятости для их координации. Австралийское председательство предложило Принципы сотрудничества в области энергетики, призванные повысить представительность международных энергетических институтов и способствовать развитию конкурентных, эффективных и прозрачных энергетических рынков. Лидеры поручили министрам энергетики обсудить варианты продвижения работы по данному направлению. В ответ на

вспышку лихорадки Эбола «Группа двадцати» обязалась поддерживать пострадавшие страны и призвала международные финансовые организации оказать помощь в преодолении экономических последствий кризиса. «Двадцатка» продемонстрировала устойчивость к внутренней напряженности между членами. На фоне того, как после начала конфликта на Украине и крушения рейса 17 Малайзийских авиалиний премьер-министр Австралии поставил под сомнение участие президента В. Путина в саммите в Брисбене, обвинив в крушении авиалайнера донецких и луганских «сепаратистов», а Россию в поддержке этих двух регионов [Mosendz, 2014], страны БРИКС прямо выразили общую позицию о том, что «руководство «Группой двадцати» в равной степени принадлежат всем ее членам, и ни один из них не может в одностороннем порядке определять ее природу и характер» [Government of South Africa, 2014].

Председательство Турции проходило в период слабого роста, усиления геополитической напряженности и неравенства в странах «двадцатки». Страна переживала сложный период на фоне замедления экономического роста, двух выборов в июне и ноябре 2015 года, активизации конфронтации между правящей Партией справедливости и развития и запрещенной курдской националистической РПК, прибытием двух миллионов беженцев, срыва усилий по борьбе с терроризмом. Несмотря на эти вызовы, председательство смогло поддержать коллективную динамику «Группы двадцати». Оно определило приоритеты «двадцатки» на 2015 год девизом «реализация решений, инклюзивность и инвестиции для роста». Реализация была крайне важна, учитывая, что, согласно оценке МВФ, члены «Группы двадцати» выполнили лишь около половины своих многолетних обязательств по достижению Брисбенской цели роста [G20 Framework Working Group, 2015]. В Анталийском плане действий были предложены новые меры по устранению неравенства, в том числе сокращению доли молодежи, подверженной риску надолго остаться вне рынка труда, на 15% к 2025 году. Первая встреча министров энергетики способствовала достижению инклюзивности через принятие Плана действий по обеспечению доступа к энергии. Создание «Женской двадцатки» (W20), нацеленной на содействие гендерно-инклюзивному экономическому росту, и проведение девяти региональных консультационных форумов «Деловой двадцатки» с участием представителей бизнеса из стран, не входящих в «Группу двадцати», стало значимым вкладом в достижение приоритета председательства по инклюзивности.

В условиях вялого экономического роста и растущего неравенства китайское председательство стремилось найти новые источники роста. На 11-м саммите «двадцатки» было предложено амбициозное видение десяти приоритетов, включая принятие планов действий по ускорению развития цифровой экономики, системы показателей для структурных реформ, стратегии роста мировой торговли и набора руководящих принципов для глобальных инвестиций. Ханчжоуский консенсус стал шагом к раскрытию и использованию потенциала инноваций и цифровой экономики для инклюзивного роста. Принципы, направления и меры по развитию сотрудничества были изложены в Контурах инновационного роста «Группы двадцати», Плана действий «Группы двадцати» по инновациям 2016 года, Плана действий «Группы двадцати» в связи с новой промышленной революцией и Инициативе «Группы двадцати» по развитию и сотрудничеству в области цифровой экономики. Была создана специальная целевая группа для продвижения повестки дня в области цифровой экономики. План действий «Группы двадцати» по Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года был призван вывести сотрудничество в соответствующей сфере на новый уровень. Китай нашел баланс между преемственностью и инновациями в динамике повестки дня «двадцатки». Председательство обеспечило продуктивное взаимодействие в формате «аутрич» с социальными партнерами и другими странами, поддерживая динамику легитимности «Группы двадцати». Расширение участия МИ в процессах деятельности «двадцатки» усилило ее роль как координационного центра глобального управления.

Несмотря на напряженность между членами, в 2014–2016 гг. «Группа двадцати» сохранила равновесие и продолжила поступательное развитие за счет создания внутренних институтов, координации вклада МИ в процессы ее работы и расширения повестки дня. Ценность, которую «Группа двадцати» представляла для своих членов, и глобальное общественное благо, которое она создавала, а также растущие реальная и ожидаемая отдача от ее работы, обеспечили значительные стимулы для активизации участия в ней стран-членов, поддержали динамику «Группы двадцати» и усилили ее зависимость от избранного пути.

Время испытаний. От Гамбурга до Осаки (2017–2019 гг.)

Ожидания от председательства Германии в 2017 году были частью высокими, частью низкими. Растущие вызовы деглобализации, экономического неравенства и изменения климата требовали решительных коллективных действий. Экономическая мощь страны, дипломатическое влияние и долгий опыт участия команды канцлера в работе «двадцатки» создали уникальный потенциал для консолидации ее роли в качестве источника глобального общественного блага, несмотря на вызывающую разногласия позицию 45-го президента США по вопросам международной торговли и климата, переговоры по Брекситу и сентябрьские национальные парламентские выборы в Германии. Несмотря на внешнее и внутреннее давление, был достигнут существенный прогресс в отношении приоритетов председательства в области цифровой экономики, здравоохранения и миграции. Были институционализированы встречи министров по вопросам здравоохранения и цифровой экономики. Хотя солидарность «двадцатки» подверглась испытанию на прочность решением правительства США выйти из Парижского соглашения по климату, 19 членов подтвердили свою твердую приверженность этому соглашению в Гамбургской декларации. Был достигнут компромисс по вопросам торговли. Обязательство противостоять протекционизму во всех формах, повторявшееся в документах всех саммитов, начиная с Вашингтонского, было заменено обязательством поддерживать открытость рынков и продолжать бороться с протекционизмом, признавая роль законных инструментов торговой защиты. «Научная двадцатка» (Science 20) присоединилась к семье групп взаимодействия «двадцатки». В целом «Группа двадцати» продемонстрировала устойчивость к новым вызовам и подтвердила свою роль главного форума для экономического сотрудничества. Она также продемонстрировала, что стимулы придерживаться институционального и политического выбора, институциональная культура и выгоды от сотрудничества оказались достаточно сильными, чтобы противостоять внутренним потрясениям.

Достижение консенсуса оказалось еще более трудным в 2018 году из-за кризиса многосторонности, роста напряженности в сфере торговли, тупика в переговорах по реформе ВТО, растущих уровней долга и усиления неравенства. Аргентинское председательство сосредоточилось на прагматичных приоритетах раскрытия человеческого потенциала для будущего занятости, мобилизации частных ресурсов для сокращения дефицита инфраструктуры и повышения производительности в сельском хозяйстве. Одновременно оно стремилось обеспечить прогресс в достижении цели «двадцатки» по справедливому и устойчивому росту. Саммиту 2018 года предшествовали неудачи в поиске консенсуса на ежегодном заседании Совета министров ОЭСР [OECD, 2018], саммитах «Группы семи» и АТЭС. Переговоры шерп по Буэнос-Айресской декларации были самыми долгими и тяжелыми в истории «двадцатки». Документ из 31 параграфа подтвердил обязательства «Группы двадцати» по использованию всех инструментов политики для достижения сильного, устойчивого, сбалансированного и инклюзивного роста, поддержке реформы ВТО и полному выполнению Парижского соглашения 19 членами. Учитывая роль образования для будущего занятости, были институционализированы встречи министров образования.

Приоритеты премьер-министра Абэ в рамках председательства Японии в «Группе двадцати» в 2019 году включали запуск Осацкого процесса по свободному потоку данных при условии доверия в соответствии с принципами управления, согласованными МИ при лидирующей роли «двадцатки», и построение «Общества 5.0» посредством комплексной интеграции цифровых технологий во все сферы жизни [Abe, 2019]. Японское председательство столкнулось с многочисленными вызовами, связанными с продолжавшимся тупиком в реформе МИ, напряженностью между США и Китаем по вопросам торговли, угрожавшей сократить мировой ВВП на 0,5% [Lagarde, 2019], террористическими актами и экологическими потрясениями в разных частях мира, а также скачками цен на нефть. В самой Японии вызовами стали общенациональные выборы в местные органы власти в апреле 2019 г. и смена императора. Июньский саммит отметился скромными результатами. По вопросам торговли и изменения климата формулировки в основном повторяли Буэнос-Айресскую декларацию. В Осацкой декларации лидеров «Группы двадцати» даже не упоминалось «Общество 5.0», а инициатива по данным свелась к запуску диалога об использовании потенциала данных и цифровой экономики для устойчивого роста. Эти решения помогли сохранить динамику «двадцатки». В то же время они показали, как сложно найти решения глобальных проблем в отсутствие единства в рамках клуба [Mackintosh 2021].

«Группа двадцати» выдержала испытания кризисом многосторонности и ростом напряженности между членами. Сложившиеся модели сотрудничества с МИ и группами взаимодействия, а также ее способность корректировать повестку и процедуры в ответ на внутреннее давление оказались мощными источниками устойчивости «двадцатки». Непрерывный прогресс и коллективные обязательства демонстрировали, что все члены были в значительной степени заинтересованы в поддержании роли «Группы двадцати» как хаба глобального управления.

Тройное испытание кризисом в здравоохранении, экономике и социальной сфере. От виртуального саммита до Рима (2020–2021 гг.)

В декабре 2019 года Саудовская Аравия объявила о приоритетах председательства в «двадцатке» в 2020 году по расширению прав и возможностей граждан, защите планеты и использованию преимуществ цифровизации. Два месяца спустя, после вспышки пандемии коронавируса, мир изменился. Решения мартовского чрезвычайного саммита «двадцатки» о ликвидации дефицита финансирования Стратегического плана ВОЗ по обеспечению готовности и реагирования, предоставлении незамедлительной поддержки Фонду ВОЗ по солидарности в борьбе с COVID-19, стимулировании мировой экономики в размере более 5 трлн долл. США, минимизации сбоев в торговле и работе с находящимися на переднем крае борьбы с пандемией международными институтами для поддержки стран с формирующимся рынком и развивающихся стран, столкнувшихся с потрясениями в области здравоохранения, экономики и социальной сферы, связанными с COVID-19, стали первым шагом в интенсивном потоке экстренных встреч «двадцатки» и действий МИ. В принятом в апреле Плане действий «Группы двадцати» «Поддержка мировой экономики во время пандемии COVID-19» было обещано обеспечить непрерывные поставки жизненно важных предметов медицинского назначения и оборудования; оказывать поддержку предприятиям и домохозяйствам; поддерживать открытость рынков и временную приостановку платежей по обслуживанию долга для беднейших стран. Тем не менее, кредитные пакеты МВФ на сумму 1 трлн долл. США и ВБ и региональных банков развития на 200 млрд долл. США, выделение которых поддержала «Группа двадцати», были лишь частью необходимых средств, предоставляли временную поддержку, усугубляли проблему устойчивости долга и казались ничтожными по сравнению с 10 трлн долларов США, предоставленными членами «двадцатки» в качестве фискальной поддержки своих экономик [IMF-G20, 2020].

«Двадцатка» не поддержала предложение МВФ об увеличении глобальной ликвидности за счет значительного распределения СПЗ [Georgieva, 2020], как это было в 2009 году, не взяла на себя обязательств по сотрудничеству в разработке вакцин, не предложила план обеспечения реализации ЦУР в новых условиях или, по крайней мере, инициативу по значительному облегчению долгового бремени. Инициатива о предоставлении отсрочки по обслуживанию долга перенесла платежи на более поздние сроки, но не уменьшила сумму долга. Даже после ее продления на шесть месяцев прогнозировались приостановки выплат на общую сумму всего 11,7 млрд долл. США [Bolton et al. 2020. P. 11] из предполагаемого объема долга стран, отвечающих установленным требованиям, в размере 477 млрд долл [Munevar, 2020]. За рамками инициативы остались 68 стран, в которых предполагаемые суммы обслуживания внешнего государственного долга, по оценкам, достигли в 2020 году 273,43 млрд долл. США [Fresnillo, 2020]. На ноябрьском саммите не было выдвинуто новых существенных инициатив. Для предотвращения возможного кризиса в будущем требовалась комплексная инициатива по облегчению бремени задолженности под руководством «двадцатки», которая предусматривала бы приостановку выплат как минимум на пять лет с возможным списанием накопленных сумм обслуживания долга, соглашение с МФИ о механизме приостановки выплат долга частным кредиторам и консультации по созданию механизма списания и реструктуризации суверенного долга. По большому счету в 2020 г. «двадцатка» выступала драйвером и координатором антикризисных действий, но не смогла отреагировать на запрос на дальновидное лидерство, как это было в 2008–2009 гг.

Председательство Италии ознаменовалось восстановлением после кризиса, вызванного COVID-19, в «двухскоростном» режиме, стремлением к обеспечению вакцинации на фоне непрекращающихся волн пандемии, ростом частного и государственного долга и усилением неравенства. Настоятельная необходимость компенсировать воздействие пандемии на снижение темпов реализации ЦУР, обеспечить устойчивое и справедливое восстановление и предотвратить потенциальный кризис, вызванный глобальным потеплением [IPCC, 2021], сопровождалась необходимостью устранения негативных рисков распространения новых штаммов коронавируса и решения проблемы различий в темпах вакцинации. Итальянское председательство в 2021 году прошло под девизом «Люди, планета, процветание» и было нацелено на укрепление лидерства «Группы двадцати» в реагировании на соответствующие вызовы. Восстановление консенсуса между членами «семерки» с приходом администрации Байдена и приверженность Италии «Зеленой сделке» ЕС и целям цифровой трансформации Союза привели к более тесному согласованию повестки дня председательства с приоритетами «Группы семи» на 2021 год и планом ЕС по переходу к климатической нейтральности к 2050 году.

Италия инициировала обсуждение вопросов борьбы с изменением климата на всех треках сотрудничества, совместно с Великобританией провела 26-ю Конференцию сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP26) и первую в истории «двадцатки» совместную встречу министров энергетики и окружающей среды, которые подтвердили «твердую приверженность «Группы двадцати» борьбе с изменением климата путем стимулирования полного и эффективного выполнения Парижского соглашения» [G20, 2021a]. «Двадцатка» активизировала динамику управления и объединила усилия МИ в борьбе с изменением климата. Однако, несмотря на активное продвижение МВФ идеи соглашения о минимальном уровне цен на углеродные выбросы [Georgieva, 2021, Parry, Black, Roaf, 2021] и поддержку «семеркой» «установления справедливой и эффективной траектории ценообразования на выбросы углерода для ускорения декарбонизации» [G7, 2021], члены «Группы двадцати» не пришли к согласию по этому вопросу. При выборе комплекса мер политики для перехода к экономике с низким уровнем выбросов парниковых газов была принята во внимание необходимость учета национальных условий (развивающихся стран). Таким образом, «двадцатка» сделала акцент на инвестировании в

устойчивую инфраструктуру и инновационные технологии, способствующие декарбонизации и формированию экономики замкнутого цикла, а также на разработке механизмов поддержки чистых источников энергии, упомянув возможность использования в качестве возможного инструмента, при необходимости, механизмов и стимулов в сфере ценообразования на углеродные выбросы [G20, 2021b. Para. 30].

«Группа двадцати» поддержала долгожданное новое общее распределение специальных прав заимствования (СПЗ) МВФ на сумму, эквивалентную 650 млрд долл. США, против которого ранее выступали США, чтобы помочь удовлетворить долгосрочную глобальную потребность в резервных активах. Распределение было обусловлено повышением прозрачности и подотчетности в использовании СПЗ и соответствующем информировании, а также сохранением их характеристик как резервных активов [G20, 2021c] и сопровождалось созданием нового Тростового фонда на цели повышения потенциала к восстановлению и устойчивости в качестве механизма, позволяющего участникам добровольно направлять часть полученных по итогам распределения СПЗ на помощь уязвимым странам [G20, 2021b. Para. 10].

В рамках Инклюзивного механизма ОЭСР и «Группы двадцати» по борьбе с размыванием налогооблагаемой базы и перемещением прибыли было принято важнейшее решение в отношении проблем, возникающих в результате цифровизации экономики. Члены «двадцатки» одобрили ключевые элементы двухкомпонентного подхода [G20, 2021c], в том числе перераспределение 20–30% прибыли наиболее прибыльных транснациональных компаний (ТНК) сверх установленной нормы в пользу юрисдикций, на рынках которых осуществляется деятельность, (первый компонент) и введение минимального глобального налога для ТНК в размере 15% (второй компонент) [OECD, 2021]. По оценке ОЭСР, предоставление налоговых прав юрисдикциям, на рынках которых осуществляется деятельность, приведет к ежегодному перераспределению в их пользу более 100 млрд долл. США, а введение минимальной ставки налога в размере 15% должно приносить около 150 млрд долл. США в год. Ожидается, что оба решения будут окончательно согласованы в 2022 году, вступят в силу в 2023 году и будут способствовать справедливому налогообложению и инклюзивному росту. «Семерка» стала лидером в согласовании этого решения, взяв на себя обязательства по применению новых международных налоговых правил на июньской встрече министров финансов и управляющих центральных банков. Прорывов в сфере цифровой экономики не произошло.

Преобразование Целевой группы по цифровой экономике в Рабочую группу, первые официальные встречи министров науки и культуры продолжили институциональное строительство в рамках сети «двадцатки». Сотрудничество групп взаимодействия способствовало укреплению сетей экспертных центров, бизнеса, молодежи, профсоюзов и других социальных акторов и повышению их роли в легитимации «двадцатки». Вовлечение МИ в процессы обсуждения и принятия решений, участие в работе Испании, Нидерландов, Алжира, Брунея (в качестве председателя АСЕАН), ДРК (в качестве председателя Африканского союза), Новой Зеландии (в качестве председателя АТЭС), Сингапура (в качестве председателя Группы глобального управления (3G)),⁸ Руанды (в качестве председателя НЕПАД) повысили представительство «Группы двадцати» и легитимность ее решений.

Пандемия COVID-19 и вызванный ею экономический и социальный кризис стали вторым критическим моментом для «Группы двадцати» после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Ожидалось, что «двадцатка» возьмет на себя лидерство в выработке мощного скоординированного ответа на кризис. Она действительно задействовала широкий спектр внутренних механизмов и ресурсов ключевых МИ для консолидации

⁸ Сингапур приглашался к участию в саммитах «Группы двадцати» с 2010 по 2011 и с 2013 по 2021 гг. в качестве председателя Группы глобального управления (3G), неформального объединения 30 малых и средних государств-членов ООН, созданного Сингапуром в 2009 г. для содействия расширению диалога между «Группой двадцати» и более широким кругом членов ООН. См.: [Government of Singapore, n.d].

разрозненных действий по противодействию пандемии и ее последствиям. Она сделала вопросы здравоохранения, поддержки уязвимых стран и экологичного и инклюзивного восстановления основными темами многостороннего сотрудничества. Процедуры взаимодействия были усовершенствованы, обеспечив интенсивные консультации в цифровом формате. Однако эти изменения носили постепенный и ситуативный характер. «Группа двадцати» не смогла осуществить институциональные инновации, провести нормативные реформы и сгенерировать трансформационные идеи. Она осталась в рамках избранного пути и может столкнуться с риском «эффекта блокировки» и потери актуальности [Johnstone, 2021].

Заключение

Переход от управления под руководством «семерки» к управлению под руководством «двадцатки» в ответ на экзогенный шок мирового финансового кризиса стал институциональной инновацией. Привлекая лидеров ведущих стран с развитой и формирующейся рыночной экономикой к согласованию позиций и выработке решений на основе консенсуса, «двадцатка» получила уникальное влияние, беспрецедентную динамику его распространения, значительный мультипликативный эффект и мандат на реформирование глобального экономического порядка.

Саммиты от Вашингтона до Сеула определили траекторию динамики «Группы двадцати». Выгоды от ее первых решений, четко установленная и расширяющаяся повестка дня, модели взаимодействия, когнитивные сценарии, общие идеи и интернализированные нормы стали значимыми эндогенными источниками стабильности, которые в последующие годы были усилены петлями положительной обратной связи. «Группа двадцати» устойчиво институционализировалась, сформировала плотные многоуровневые механизмы и процессы внутригрупповой коммуникации и свою уникальную модель взаимодействия с МИ, приглашенными странами и группами взаимодействия. Механизмы самоотчетности «двадцатки» способствовали прозрачности и исполнению ее решений, уровень которого, согласно независимой оценке, составил в среднем 75% за период 2008–2020 гг [G20 Information Centre, n.d.]. Интеграция стран, не входящих в «двадцатку», и большой семьи транснациональных групп взаимодействия в процессы работы способствовала усилению ее восприятия как представительного и легитимного института. Ротация председательств между развитыми и развивающимися странами сделала глобальное экономическое управление более инклюзивным. Структурированное вовлечение МИ в процессы обсуждений, принятия решений, исполнения обязательств и его мониторинга усилило влияние «Группы двадцати» в выработке коллективных норм, основанных на консенсусе, и способствовало ее укоренению в системе международных институтов. Эти институциональные изменения оказались мощными источниками устойчивости «Группы двадцати» и укрепили ее зависимость от избранного пути.

Несмотря на напряженность в отношениях между членами, ценность, которую «Группа двадцати» представляла для них, и создаваемые ею глобальные общественные блага, реальная и ожидаемая отдача от ее деятельности стали существенными стимулами для дальнейшего взаимодействия и поддерживали позитивную динамику «двадцатки».

Обратной стороной устойчивости «Группы двадцати» стала ее неспособность предложить смелые и преобразующие политические инициативы во время и после пандемии COVID-19. Даже в критический момент, обусловленный тройным экзогенным шоком, «двадцатка» менялась лишь постепенно и понемногу, не смогла обеспечить мощное лидерство, необходимое миру для преодоления пандемии, экономического и социального кризисов. Несмотря на эту неудачу, «Группа двадцати» остается важнейшим хабом современного глобального экономического управления. Подкрепляя друг друга, усиление, распространение влияния и легитимация поддерживают постоянный спрос на выполнение «двадцаткой» лидерской роли [Лакхерст, 2020]. Однако «эффект блокировки» может

повлечь за собой риск потери ею актуальности в сравнении с другими институтами, включая ОЭСР, «Группу семи» и региональные механизмы.

Список источников

Лакхерст Дж. (2020). Новая политика «Группы двадцати» в сфере глобального экономического управления // Вестник международных организаций. Т. 15. № 2. С. 55–81 (на русском и английском языках). Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-03>.

Ларионова М. В., Рахмангулов М. Р., Сафонкина Е. А., Сахаров А. Г., Шелепов А. В. (2013). Председательство Российской Федерации в «Группе двадцати»: в поисках баланса и путей обеспечения фискальной устойчивости и уверенного роста // Вестник международных организаций. Т. 8. № 4. С. 122–179 (на русском и английском языках). Режим доступа: <https://iorj.hse.ru/2013-8-4/103578315.html> (дата обращения: 21.06.2022).

Ларионова М.В., Шелепов А.В. (2019). «Группа двадцати», БРИКС и «Группа семи» в глобальном экономическом управлении // Вестник международных организаций. Т. 14 . № 4. С. 48–71 (на русском и английском языках). Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-04-03>.

Abe S. (2019). Toward a New Era of “Hope-Driven Economy”: The Prime Minister's Keynote Speech at the World Economic Forum Annual Meeting. Davos, 23 January. Режим доступа: https://japan.kantei.go.jp/98_abe/statement/201901/_00003.html (дата обращения: 31.01.2022).

G20 Information Centre (n.d.). G20 Analysis. University of Toronto. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/analysis/index.html#compliance> (дата обращения: 31.01.2022)

Aslund A. (2009). The Group of 20 Must Be Stopped // Financial Times, 27 November. Режим доступа: <https://www.ft.com/content/37deaeb4-dad0-11de-933d-00144feabdc0> (дата обращения: 31.01.2022).

B20-L20 (2011). B20 L20 Joint Statement. Cannes, 3–4 November. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2011cannes/2011-b20-l20-en.pdf> (дата обращения: 29.09.2021).

Berger A. A. (2020). Decade of G20 Summitry: Assessing the Benefits, Limitations and Future of Global Club Governance in Turbulent Times // South African Journal of International Affairs. Vol. 26. Issue 4. P. 493–504. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/10220461.2019.1705889>.

Bolton P., Buchheit L., Gourinchas P.-O., Gulati M., Hsieh C.-T., Panizza U., di Mauro B. W. (2020). Born Out of Necessity: A Debt Standstill for COVID-19. CEPR Policy Insight No 103, Centre for Economic Policy Research. Режим доступа: https://cepr.org/active/publications/policy_insights/viewpi.php?pino=103 (дата обращения: 17.06.2022).

Bradford C. I., Wonhyuk L. (eds) (2011). Global Leadership in Transition. Making the G20 More Effective and Responsive. Brookings Institution Press, Korean Development Institute.

Bradford C., Linn J., Martin P. (2008). Global Governance Breakthrough: The G20 Summit and the Future Agenda. Brookings Policy Brief No 168. The Brookings Institution. Режим доступа:

https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/12_g20_summit_bradford_linn.pdf
(дата обращения: 31.01.2022).

Bush G. W. (2008). Remarks Made by President George Bush at Closing Press Conference, G20 Summit. Washington DC, 15 November. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2008/2008bush.html> (дата обращения: 31.01.2022).

Cooper A. F. (2010). The G20 as an Improvised Crisis Committee and/or a Contested Steering Committee for the World // *International Affairs*. Vol. 86. No 3. P. 741–57. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2010.00909.x>.

Cooper A. F. (2020). The G20 Is Dead as a Crisis or Steering Committee: Long Live the G20 as Hybrid Focal Point // *South African Journal of International Affairs*. Vol. 26. No 4. P. 505–20. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/10220461.2019.1699855>.

Dadush U., Suominen K. (2011). Is There Life for the G20 Beyond the Global Financial Crisis? // *Journal of Globalization and Development*. Vol. 2. No 2. Режим доступа: <http://doi.org/10.1515/1948-1837.1244>.

Fresnillo I. (2020) Shadow Report on the Limitations of the G20 Debt Service Suspension Initiative: Draining Out the Titanic With a Bucket? European Network on Debt and Development (EURODAD) Report, 14 October. Режим доступа: https://www.eurodad.org/g20_dssi_shadow_report page 18 (дата обращения: 31.01.2022).

Fues T., Messner D. (2016). The G20 Balancing National Interests With the Global Common Good // *China Quarterly of International Strategic Studies*. Vol. 2. No 3. P. 293–309.

Georgieva K. (2020). Speech: Restoring Sustainable Flows of Capital and Robust Financing for Development. International Monetary Fund, 8 July. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/07/09/sp070820-restoring-sustainable-flows-of-capital-and-robust-financing-for-development> (дата обращения: 31.01.2022).

Georgieva K. (2021). Speech: Launch of IMF Staff Climate Note: A Proposal for an International Carbon Price Floor Among Large Emitters. Remarks by Managing Director Kristalina Georgieva at the Brookings Institution Event: Building Climate Cooperation: The Critical Role for International Carbon Price Floors, 18 June. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2021/06/18/sp061821-launch-of-imf-staff-climate-note> (дата обращения: 31.01.2022).

Government of Singapore (n.d.). G20. Ministry of Foreign Affairs. Режим доступа: <https://www.mfa.gov.sg/SINGAPORES-FOREIGN-POLICY/International-Organisations/G20> (дата обращения: 29.09.2021).

Government of South Africa (2014). BRICS Ministers Meet on the Sidelines of the Nuclear Security Summit in the Hague. 24 March. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/brics/brazpresidency2/nuclear.pdf> (дата обращения: 31.01.2022).

Greco E., Botti F., Bilotta N. (eds) (2021). Global Governance at a Turning Point: The Role of the G20. Rome: Edizioni Nuova Cultura. Режим доступа: https://www.iai.it/sites/default/files/iairs_5.pdf (дата обращения: 17.06.2022).

Group of 20 (G20) (2008). Declaration of the Summit on Financial Markets and the World Economy. Washington DC, 15 November. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2008washington/Declaration%20of%20the%20Summit%20on%20Financial%20Markets.pdf> (дата обращения: 31.01.2022).

Group of 20 (G20) (2009a). Leaders' Statement. London, 2 April. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2009london/2009communique0402.pdf> (дата обращения: 31.01.2022).

Group of 20 (G20) (2009b). G20 Leaders Statement. Pittsburgh, 24–25 September. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2009pittsburgh/G20%20Leaders%20Statement.pdf> (дата обращения: 31.01.2022).

Group of 20 (G20) (2010a). Report to G-20 Ministers of Finance: Notes for Remarks by the Honourable John Manley, Chair, G-20 Business Summit. Toronto, 26 June. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/outreach/B20-2010-toronto.pdf> (дата обращения: 31.01.2022).

Group of 20 (G20) (2010b) The Seoul Summit Document. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2010%20Korea/g20seoul-doc.pdf> (дата обращения: 31.01.2022). Para 73-74.

Group of 20 (G20) (2013) G20 5th Anniversary Vision Statement. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2013spbsummit/G20%205th%20Anniversary%20Vision%20Statement.pdf> (дата обращения: 31.01.2022).

Group of 20 (G20) (2021a). Joint G20 Energy-Climate Ministerial Communiqué. Naples, 23 July. Режим доступа: <https://www.g20.org/the-g20-climate-and-energy-ministerial-meeting-adopts-a-joint-communicue.html> (дата обращения: 17.06.2022).

Group of 20 (G20) (2021b). Leaders' Declaration. Rome, 31 October. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2021/211031-declaration.html> (дата обращения: 17.06.2022).

Group of 20 (G20) (2021c). Third Finance Ministers and Central Bank Governors Meeting Communiqué. Venice, 9–10 July. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2021/210710-finance.html> (дата обращения: 17.06.2022).

Group of 7 (G7) (2021). Carbis Bay Summit Communiqué. Cornwall, 11–13 June. Режим доступа: <https://www.g7uk.org/wp-content/uploads/2021/06/Carbis-Bay-G7-Summit-Communique-PDF-430KB-25-pages-3-1.pdf> (дата обращения: 31.01.2022).

Hall P. A., Taylor R. (1996). Political Science and the Three New Institutionalisms // Political Studies. Vol. 44. No 5. P. 936–57. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111%2Fj.1467-9248.1996.tb00343.x>.

Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC) (2021). Summary for Policymakers. In: Climate Change 2021: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / V. Masson-Delmotte, P. Zhai, A. Pirani, S. L. Connors, C. Péan, S. Berger, N. Caud, Y. Chen, L. Goldfarb, M. I. Gomis, M. Huang, K. Leitzell, E. Lonnoy, J. B. R. Matthews, T. K. Maycock, T. Waterfield, O. Yelekçi,

R. Yu, B. Zhou (eds). Cambridge University Press. Режим доступа: <https://doi.org/10.1017/9781009157896.001>.

International Institute for Labour Studies (IILS) (2009). The Financial and Economic Crisis: A Decent Work Response. International Labour Organization (ILO). Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2009london/wcms_104074.pdf (дата обращения: 31.01.2022).

International Monetary Fund (IMF) (2009). IMF Note on Global Economic Policies and Prospects: Executive Summary. IMF Staff Note, 19 March. Режим доступа: <https://www.imf.org/external/np/g20/031909a.htm> (дата обращения: 31.01.2022).

International Monetary Fund (IMF)-Group of 20 (G20) (2011). Global Economic Prospects and Policy Challenges. Meeting of G20 Finance Ministers and Central Bank Governors. Paris, 14–15 October. Режим доступа: <https://www.imf.org/external/np/g20/pdf/101511.pdf> (дата обращения: 31.01.2022).

International Monetary Fund (IMF)-Group of 20 (G20) (2013) Update on Global Prospects and Policy Challenges. G20 Leaders' Summit. St Petersburg, 5–6 September. Режим доступа: <https://www.imf.org/external/np/g20/pdf/2013/090513.pdf> (дата обращения: 31.01.2022).

International Monetary Fund (IMF)-Group of 20 (G20) (2020). Implementation of the G20 Action Plan. Режим доступа: <https://www.imf.org/external/np/g20/pdf/2020/071620a.pdf> (дата обращения: 31.01.2022).

Johnstone I. (2021). The G20, Climate Change and COVID-19: Critical Juncture or Critical Wound? // Fullbright Review of Economics and Policy. Vol. 1. No 2. P. 227–245. Режим доступа: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/FREP-05-2021-0031/full/html> (дата обращения: 17.06.2022).

Kirton J. J. (2013). G20 Governance for a Globalized World. Farnham: Ashgate.

Lagarde C. (2019). How to Help. Not Hinder Global Growth. International Monetary Fund (IMF) Blog, 5 June. Режим доступа: <https://blogs.imf.org/2019/06/05/how-to-help-not-hinder-global-growth/> (дата обращения: 31.01.2022).

Mackintosh S. P. M. (2021). The Redesign of the Global Financial Architecture: State Authority, New Risks and Dynamics. Routledge.

Mosendz P. (2014). Angry Australian Prime Minister Aims to Remove Russia From G-20 Summit. The Atlantic, 21 July. Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2014/07/australia-aims-to-remove-russia-from-g-20-summit/374748/> (дата обращения: 31.01.2022).

Munevar D. (2020). The G20 “Common Framework for Debt Treatments beyond the DSSI”: Is It Bound to Fail? Part 1. European Network on Debt and Development (EURODAD) Blog, 22 October. Режим доступа: https://www.eurodad.org/the_g20_common_framework_for_debt_treatments_beyond_the_dssi_is_it_bound_to_fail#:~:text=The%20G20%20recently%20announced%20the,of%20the%20Covid%2D19%20pandemic (дата обращения: 31.01.2022).

Nexon D. (2012). Historical Institutionalism and International Relations. E-International Relations, 16 April. Режим доступа: <https://www.e-ir.info/2012/04/16/historical-institutionalism-and-international-relations/> (дата обращения: 28.01.2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2018). Statement of the Chair of MCM. Paris, 30–31 May. Режим доступа: <https://www.oecd.org/mcm-2018/documents/Statement-French-Chair-OECD-MCM-2018.pdf> (дата обращения: 31.01.2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2021). OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project: Addressing the Tax Challenges Arising From the Digitalization of the Economy. Режим доступа: <https://www.oecd.org/tax/beps/brochure-addressing-the-tax-challenges-arising-from-the-digitalisation-of-the-economy-july-2021.pdf> (дата обращения: 31.01.2022).

Parry I., Black S., Roaf J. (2021). Proposal for an International Carbon Price Floor Among Large Emitters. Staff Climate Notes No 2021/001, International Monetary Fund. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/staff-climate-notes/Issues/2021/06/15/Proposal-for-an-International-Carbon-Price-Floor-Among-Large-Emitters-460468> (дата обращения: 31.01.2022).

Pollack M. (2014). The New Institutionalism and European Integration // European Integration Theory / A. Wiener, T. Diez (eds). New York: Oxford University Press. P. 137–56.

Prime Minister's Office (PMO) (2011). Governance for Growth: Building Consensus for the Future. A Report by David Cameron, Prime Minister of the United Kingdom. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2011/2011-cameron-report.pdf> (дата обращения: 31.01.2022).

Rixen T., Viola L. A. (2016). Historical Institutionalism and International Relations // Historical Institutionalism and International Relations: Explaining Institutional Development in World Politics / T. Rixen, L. A. Viola, M. Zürn (eds). Oxford University Press. P. 3–35.

Rosamond B. (2000). Theories of European Integration. Palgrave.

Slaughter S. (ed) (2019). The G20 and International Relations Theory. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited.

Steinmo S. (2008). Historical Institutionalism // Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A Pluralist Perspective / D. Della Porta, M. Keating (eds). Cambridge University Press. P. 118–38. Режим доступа: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511801938.008>.

Ünay S. (2014). Transformation Trajectory of the G20 and Turkey's Presidency: Middle Powers in Global Governance // Perceptions. Vol. XIX. No 4. P. 137–67. Режим доступа: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/815776> (дата обращения: 17.06.2022).

United Nations (UN) (2009). Report of the Commission of Experts of the President of the United Nations General Assembly on Reforms of the International Monetary and Financial System. Режим доступа: https://www.un.org/en/ga/econcrisissummit/docs/FinalReport_CoE.pdf (дата обращения: 16.06.2022).

Viola L. A. (2019). The G20 Through the Lens of Historical Institutionalism // The G20 and International Relations Theory / S. Slaughter (ed). Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 116–135. Режим доступа: <https://doi.org/10.4337/9781786432650.00011>.

Wade R. (2012). The G192 Report. Le Monde Diplomatique. Режим доступа: <https://mondediplo.com/2012/08/09un> (дата обращения: 16.06.2022).

Weiss G. T., Thakur R. (2010). Global Governance and the UN: An Unfinished Journey. Indiana University Press.

A BRIEF HISTORY OF THE G20 INSTITUTIONAL DYNAMICS (2008-2021)⁹

M. Larionova

Marina Larionova – PhD, Head, Centre for International Institutions Research (CIIR), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); 11 Prechistenskaya naberezhnaya, Moscow, 119034, Russian Federation; larionova-mv@ranepa.ru

Abstract

The Group of 20 (G20) brought together leaders of the key advanced and emerging market countries to manage the 2007–08 financial and economic crises, reform the international architecture, devise a new global consensus, ensure recovery, and promote strong, sustainable, and balanced growth. Established as an anti-crisis mechanism and designated by its members as a premier forum for international economic cooperation, the G20 transformed into a global governance hub. Since its first summit, the G20 has generated high expectations and has become a subject of research and assessment for analysts, mass media, and the general public. Each summit's deliberations, decisions, and engagements have been scrutinized. Critics of the G20 claim it has lost relevance and was not capable of responding to the degradation of multilateralism, or the COVID-19 pandemic and the crisis it induced.

In this article, the logic of historical institutionalism is applied to explore the confluence of dynamics in the G20's evolution: demand for G20 leadership; agenda expansion and institutionalization; and legitimation, accountability, and engagements. It is concluded that the G20 changed global governance trends, creating a more inclusive global governance that integrates the G20's own extensive and diverse cooperation networks with the networks of the other international institutions and engagement groups involved in G20 policy processes. The networked governance, alongside the rotating presidency, the Troika, and various outreach mechanisms, augment the G20's authority and reduce the legitimacy gap perception. The benefits from the early decisions, established and expanding agenda, patterns of engagement, cognitive scripts, embedded ideas, and internalized norms became strong endogenous sources of stability, reinforced in positive feedback loops. Despite tensions between members, the value that the G20 provides and the global public goods it generates, real and expected returns, constitute significant incentives for the G20's continued engagement, sustain its evolving dynamics, and consolidate its path-dependency. The downside of the G20's resilience is its inability to undertake innovative initiatives in the wake of COVID-19 or to provide the powerful leadership the world needed to overcome the pandemic and the related economic and social crises. Notwithstanding these failures, the G20 remains the crucial hub of contemporary global economic governance. However, the lock-in may entail the risk of losing relevance to other institutions.

Keywords: G20, institutional dynamics, global governance, financial crisis, COVID-19 pandemic

Acknowledgements: the article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme

⁹ This article was submitted 27.02.2022.

For citation: Larionova M. (2022) A Brief History of the G20 Institutional Dynamics (2008-2021), *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 1, pp. (in English). doi: 10.17323/1996-7845-2022-02-11

References

Abe S. (2019) Toward a New Era of “Hope-Driven Economy”: The Prime Minister's Keynote Speech at the World Economic Forum Annual Meeting. Davos, 23 January. Available at: https://japan.kantei.go.jp/98_abe/statement/201901/_00003.html (accessed 31 January 2022).

G20 Information Centre (n.d.) G20 Analysis. University of Toronto. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/analysis/index.html#compliance> (accessed 31 January 2022)

Aslund A. (2009) The Group of 20 Must Be Stopped. *Financial Times*, 27 November. Available at: <https://www.ft.com/content/37deaeb4-dad0-11de-933d-00144feabdc0> (accessed 31 January 2022).

B20-L20 (2011) B20 L20 Joint Statement. Cannes, 3–4 November. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2011cannes/2011-b20-l20-en.pdf> (accessed 29 September 2022).

Berger A. A. (2020) Decade of G20 Summitry: Assessing the Benefits, Limitations and Future of Global Club Governance in Turbulent Times. *South African Journal of International Affairs*, vol. 26, issue 4, pp. 493–504. Available at: <https://doi.org/10.1080/10220461.2019.1705889>.

Bolton P., Buchheit L., Gourinchas P.-O., Gulati M., Hsieh C.-T., Panizza U., di Mauro B. W. (2020) Born Out of Necessity: A Debt Standstill for COVID-19. CEPR Policy Insight No 103, Centre for Economic Policy Research. Available at: https://cepr.org/active/publications/policy_insights/viewpi.php?pino=103 (accessed 17 June 2022).

Bradford C. I., Wonhyuk L. (eds) (2011) *Global Leadership in Transition. Making the G20 More Effective and Responsive*. Brookings Institution Press, Korean Development Institute.

Bradford C., Linn J., Martin P. (2008) Global Governance Breakthrough: The G20 Summit and the Future Agenda. Brookings Policy Brief No 168, The Brookings Institution. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/12_g20_summit_bradford_linn.pdf (accessed 31 January 2022).

Bush G. W. (2008) Remarks Made by President George Bush at Closing Press Conference, G20 Summit. Washington DC, 15 November. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2008/2008bush.html> (accessed 31 January 2022).

Cooper A. F. (2010) The G20 as an Improvised Crisis Committee and/or a Contested Steering Committee for the World. *International Affairs*, vol. 86, no 3, pp. 741–57. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2010.00909.x>.

Cooper A. F. (2020) The G20 Is Dead as a Crisis or Steering Committee: Long Live the G20 as Hybrid Focal Point. *South African Journal of International Affairs*, vol. 26, issue 4, pp. 505–20. Available at: <https://doi.org/10.1080/10220461.2019.1699855>.

Dadush U., Suominen K. (2011) Is There Life for the G20 Beyond the Global Financial Crisis? *Journal of Globalization and Development*, vol. 2, issue 2. Available at: <http://doi.org/10.1515/1948-1837.1244>.

Fresnillo I. (2020) Shadow Report on the Limitations of the G20 Debt Service Suspension Initiative: Draining Out the Titanic With a Bucket? European Network on Debt and Development (EURODAD) Report, 14 October. Available at: https://www.eurodad.org/g20_dssi_shadow_report page 18 (accessed 31 January 2022).

Fues T., Messner D. (2016) The G20 Balancing National Interests With the Global Common Good. *China Quarterly of International Strategic Studies*, vol. 2, no 3, pp. 293–309.

Georgieva K. (2020) Speech: Restoring Sustainable Flows of Capital and Robust Financing for Development. International Monetary Fund, 8 July. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/07/09/sp070820-restoring-sustainable-flows-of-capital-and-robust-financing-for-development> (accessed 31 January 2022).

Georgieva K. (2021) Speech: Launch of IMF Staff Climate Note: A Proposal for an International Carbon Price Floor Among Large Emitters. Remarks by Managing Director Kristalina Georgieva at the Brookings Institution Event: Building Climate Cooperation: The Critical Role for International Carbon Price Floors, 18 June. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2021/06/18/sp061821-launch-of-imf-staff-climate-note> (accessed 31 January 2022).

Government of Singapore (n.d.) G20. Ministry of Foreign Affairs. Available at: <https://www.mfa.gov.sg/SINGAPORES-FOREIGN-POLICY/International-Organisations/G20> (accessed 29 September 2022).

Government of South Africa (2014) BRICS Ministers Meet on the Sidelines of the Nuclear Security Summit in the Hague. 24 March. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/brics/brazpresidency2/nuclear.pdf> (accessed 31 January 2022).

Greco E., Botti F., Bilotta N. (eds) (2021) *Global Governance at a Turning Point: The Role of the G20*. Rome: Edizioni Nuova Cultura. Available at: https://www.iai.it/sites/default/files/iairs_5.pdf (accessed 17 June 2022).

Group of 20 (G20) (2008) Declaration of the Summit on Financial Markets and the World Economy. Washington DC, 15 November. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2008washington/Declaration%20of%20the%20Summit%20on%20Financial%20Markets.pdf> (accessed 31 January 2022).

Group of 20 (G20) (2009a) Leaders' Statement. London, 2 April. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2009london/2009communique0402.pdf> (accessed 31 January 2022).

Group of 20 (G20) (2009b) G20 Leaders Statement. Pittsburgh, 24–25 September. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2009pittsburgh/G20%20Leaders%20Statement.pdf> (accessed 31 January 2022).

Group of 20 (G20) (2010a) Report to G-20 Ministers of Finance: Notes for Remarks by the Honourable John Manley, Chair, G-20 Business Summit. Toronto, 26 June. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/outreach/B20-2010-toronto.pdf> (accessed 31 January 2022).

Group of 20 (G20) (2010b) The Seoul Summit Document. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2010%20Korea/g20seoul-doc.pdf> (accessed 31 January 2022). para 73-74.

Group of 20 (G20) (2013) G20 5th Anniversary Vision Statement. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2013spbsummit/G20%205th%20Anniversary%20Vision%20Statement.pdf> (accessed 31 January 2022).

Group of 20 (G20) (2021a) Joint G20 Energy-Climate Ministerial Communiqué. Naples, 23 July. Available at: <https://www.g20.org/the-g20-climate-and-energy-ministerial-meeting-adopts-a-joint-communicue.html> (accessed 17 June 2022).

Group of 20 (G20) (2021b) Leaders' Declaration. Rome, 31 October. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2021/211031-declaration.html> (accessed 17 June 2022).

Group of 20 (G20) (2021c) Third Finance Ministers and Central Bank Governors Meeting Communiqué. Venice, 9–10 July. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2021/210710-finance.html> (accessed 17 June 2022).

Group of 7 (G7) (2021) Carbis Bay Summit Communiqué. Cornwall, 11–13 June. Available at: <https://www.g7uk.org/wp-content/uploads/2021/06/Carbis-Bay-G7-Summit-Communique-PDF-430KB-25-pages-3-1.pdf> (accessed 31 January 2022).

Hall P. A., Taylor R. (1996) Political Science and the Three New Institutionalisms. *Political Studies*, vol. 44, issue 5, pp. 936–57. Available at: <https://doi.org/10.1111%2Fj.1467-9248.1996.tb00343.x>.

Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC) (2021) Summary for Policymakers. In: *Climate Change 2021: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change* (V. Masson-Delmotte, P. Zhai, A. Pirani, S. L. Connors, C. Péan, S. Berger, N. Caud, Y. Chen, L. Goldfarb, M. I. Gomis, M. Huang, K. Leitzell, E. Lonnoy, J. B. R. Matthews, T. K. Maycock, T. Waterfield, O. Yelekçi, R. Yu, B. Zhou (eds)). Cambridge University Press. Available at: <https://doi.org/10.1017/9781009157896.001>.

International Institute for Labour Studies (IILS) (2009) The Financial and Economic Crisis: A Decent Work Response. International Labour Organization (ILO). Available at: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2009london/wcms_104074.pdf (accessed 31 January 2022).

International Monetary Fund (IMF) (2009) IMF Note on Global Economic Policies and Prospects: Executive Summary. IMF Staff Note, 19 March. Available at: <https://www.imf.org/external/np/g20/031909a.htm> (accessed 31 January 2022).

International Monetary Fund (IMF)-Group of 20 (G20) (2011) Global Economic Prospects and Policy Challenges. Meeting of G20 Finance Ministers and Central Bank Governors. Paris, 14–15 October. Available at: <https://www.imf.org/external/np/g20/pdf/101511.pdf> (accessed 31 January 2022).

International Monetary Fund (IMF)-Group of 20 (G20) (2013) Update on Global Prospects and Policy Challenges. G20 Leaders' Summit. St Petersburg, 5–6 September. Available at: <https://www.imf.org/external/np/g20/pdf/2013/090513.pdf> (accessed 31 January 2022).

International Monetary Fund (IMF)-Group of 20 (G20) (2020) Implementation of the G20 Action Plan. Available at: <https://www.imf.org/external/np/g20/pdf/2020/071620a.pdf> (accessed 31 January 2022).

Johnstone I. (2021) The G20, Climate Change and COVID-19: Critical Juncture or Critical Wound? *Fullbright Review of Economics and Policy*, vol. 1, no 2, pp. 227–245. Available at: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/FREP-05-2021-0031/full/html> (accessed 17 June 2022).

Kirton J. J. (2013) *G20 Governance for a Globalized World*. Farnham: Ashgate.

Lagarde C. (2019) How to Help, Not Hinder Global Growth. International Monetary Fund (IMF) Blog, 5 June. Available at: <https://blogs.imf.org/2019/06/05/how-to-help-not-hinder-global-growth/> (accessed 31 January 2022).

Larionova M., Rakhmangulov M., Safonkina E., Sakharov A., Shelepov A. (2013) The Russian Federation G20 Presidency: In Pursuit of a Balance Between Fiscal Consolidation and Sustainable Growth. *International Organisations Research Journal*, vol. 8. no 4, pp. 122–79.

Larionova M., Shelepov A. (2019) The G7 and BRICS in the G20 Economic Governance. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 4, pp. 48–71. Available at: <http://doi.org/10.17323/19967845-2019-04-03>.

Luckhurst J. (2020) The New G20 Politics of Global Economic Governance. *International Organisations Research Journal*, vol. 15, no 2, pp. 42–59. Available at: <http://doi.org/10.17323/1996784520200203>.

Mackintosh S. P. M. (2021) *The Redesign of the Global Financial Architecture: State Authority, New Risks and Dynamics*. Routledge.

Mosendz P. (2014) Angry Australian Prime Minister Aims to Remove Russia From G-20 Summit. *The Atlantic*, 21 July. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2014/07/australia-aims-to-remove-russia-from-g-20-summit/374748/> (accessed 31 January 2022).

Munevar D. (2020) The G20 “Common Framework for Debt Treatments beyond the DSSI”: Is It Bound to Fail? Part 1. European Network on Debt and Development (EURODAD) Blog, 22 October. Available at: https://www.eurodad.org/the_g20_common_framework_for_debt_treatments_beyond_the_dssi_is_it_bound_to_fail#:~:text=The%20G20%20recently%20announced%20the,of%20the%20Covid%2D19%20pandemic (accessed 31 January 2022).

Nexon D. (2012) Historical Institutionalism and International Relations. *E-International Relations*, 16 April. Available at: <https://www.e-ir.info/2012/04/16/historical-institutionalism-and-international-relations/> (accessed 28 January 2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2018) Statement of the Chair of MCM. Paris, 30–31 May. Available at: <https://www.oecd.org/mcm-2018/documents/Statement-French-Chair-OECD-MCM-2018.pdf> (accessed 31 January 2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2021) OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project: Addressing the Tax Challenges Arising From the Digitalization of the Economy. Available at: <https://www.oecd.org/tax/beps/brochure-addressing-the-tax-challenges-arising-from-the-digitalisation-of-the-economy-july-2021.pdf> (accessed 31 January 2022).

Parry I., Black S., Roaf J. (2021) Proposal for an International Carbon Price Floor Among Large Emitters. Staff Climate Notes No 2021/001, International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/staff-climate-notes/Issues/2021/06/15/Proposal-for-an-International-Carbon-Price-Floor-Among-Large-Emitters-460468> (accessed 31 January 2022).

Pollack M. (2014) The New Institutionalism and European Integration. *European Integration Theory* (A. Wiener, T. Diez (eds)). New York: Oxford University Press, pp. 137–56.

Prime Minister's Office (PMO) (2011) Governance for Growth: Building Consensus for the Future. A Report by David Cameron, Prime Minister of the United Kingdom. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2011/2011-cameron-report.pdf> (accessed 31 January 2022).

Rixen T., Viola L. A. (2016) Historical Institutionalism and International Relations. *Historical Institutionalism and International Relations: Explaining Institutional Development in World Politics* (T. Rixen, L. A. Viola, M. Zürn (eds)). Oxford University Press, pp. 3–35.

Rosamond B. (2000) *Theories of European Integration*. Palgrave.

Slaughter S. (ed) (2019) *The G20 and International Relations Theory*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited.

Steinmo S. (2008) Historical Institutionalism. *Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A Pluralist Perspective* (D. Della Porta, M. Keating (eds)). Cambridge University Press, pp. 118–38. Available at: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511801938.008>.

Ünay S. (2014) Transformation Trajectory of the G20 and Turkey's Presidency: Middle Powers in Global Governance. *Perceptions*, vol. XIX, no 4, pp. 137–67. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/815776> (accessed 17 June 2022).

United Nations (UN) (2009) Report of the Commission of Experts of the President of the United Nations General Assembly on Reforms of the International Monetary and Financial System. Available at: https://www.un.org/en/ga/econcrisissummit/docs/FinalReport_CoE.pdf (accessed 16 June 2022).

Viola L. A. (2019) The G20 Through the Lens of Historical Institutionalism. *The G20 and International Relations Theory* (S. Slaughter (ed)). Cheltenham: Edward Elgar Publishing, pp. 116–135. Available at: <https://doi.org/10.4337/9781786432650.00011>.

Wade R. (2012) The G192 Report. *Le Monde Diplomatique*. Available at: <https://mondediplo.com/2012/08/09un> (accessed 16 June 2022).

Weiss G. T., Thakur R. (2010) *Global Governance and the UN: An Unfinished Journey*. Indiana University Press.